

ПОЛЕМИКА

Независимая газета. — 2000. — 12 февр. — с. 8

...с Валентином Александровым («НГ», 11.12.99)

Вадим Медведев

В ПОСЛЕДНЕЕ время появился ряд публикаций, связанных с отменой репрессивных мер в отношении Александра Исаевича Солженицына и возобновлением публикации его произведений в стране. Статья на эту тему помещена и в «НГ» под названием «Группы нанимает директор», автор — Валентин Александров.

События того времени, а также моя позиция и мои действия отражены в этой статье неполно и неточно, с искажениями и домыслами. В связи с этим считаю необходимым более обстоятельно осветить данную проблему.

С ней мне пришлось столкнуться практически сразу после того, как в конце сентября 1988 г. я был избран членом политбюро и утвержден председателем вновь созданной Идеологической комиссии ЦК КПСС.

В середине октября 1988 г. мне сообщили, что в Президиум Верховного Совета СССР поступило обращение руководителей Союза кинематографистов, в котором ставился вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении Солженицына. Группа писателей выдвинула требование о восстановлении его в своем Союзе.

18 октября я провел по этому вопросу совещание с участием Лукьянова, Крючкова, начальника 5-го управления КГБ Абрамова, Карпова, заведующих отделами ЦК Павлова, Капто, Воронова, заместителя заведующего отделом Егорова. В ходе обмена мнениями Абрамов и Лукьянов высказались за продолжение жесткой линии, возобновление разоблачительной работы в отношении Солженицына, Крючков и Карпов — за более взвешенный подход, разграничение правовых аспектов выдворения Солженицына и его идейно-политических позиций. Я поддержал позицию Крючкова и Карпова, доложил о ней Горбачеву, и в таком духе была составлена записка для политбюро.

В те дни мне пришлось заняться чтением не выходявших у нас произведений Александра Исаевича, присланных КГБ по моей просьбе. Среди них в художественном отношении я не обнаружил для себя ничего лучше того, что было опубликовано в свое время в «Новом мире» — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Автобиографические» произведения «В круге первом», «Раковый корпус», равно как и «Красное колесо», за чтение которого я влезал позднее, — при всей необычности языка и писательской манеры — не произвели на меня такого сильного впечатления. Что касается «Архипелага ГУЛАГ», то его трудно отнести к произведениям художественной литературы. Это скорее публицистика, круто замешанная на крайне субъективной авторской позиции.

Между тем письма деятелей культуры, касающиеся Солженицына, попали в прессу и стали достоянием общестественности. Они активно обсуждались в стране, оживленно комментировались за рубежом. В традиционалистски настроенных слоях общества и особенно в партийном и государственном аппарате предложения о реабилитации Солженицына вызвали полное неприятие. Сказывались результаты длительной пропагандистской кампании, прочное представление о Солженицыне как об идеологическом и политическом противнике, в чем, собственно, была немалая доля истины. Многие по-прежнему считали меры, принятые в отношении его, оправданными, что и сейчас надо продолжать действовать этими же методами, то есть «не пускаться», «запрещать» и т.п.

В кругах интеллигенции письма встретили сочувственное отношение, но реакция на дело Солженицына была неодинаковой в среде русофильско-патриотической и либерально-западнической интеллигенции. «Патриоты», особенно крестьянско-патриархального толка, рьяно выступали за полную реабилитацию опального писателя, рассматривали его как знамя патриотического движения. «Западники» относились к переоценке Солженицына довольно сдержанно и выборочно, выпячивая и поддерживая разоблачения писателем сталинских репрессий. Характерно, что в письме, поступившем в адрес Горбачева от «Московской трибуны» (Юрий Афанасьев, Алексей Адамович и др.), а также от группы ученых, на первый план было выставлено требование опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ».

Мне, конечно, невозможно было оставаться в стороне от возникшей дискуссии. В различных аудиториях, с которыми мне приходилось встречаться, вопросы о Солженицыне ставились напряженной и в острой форме. И я не уклонился от них. Мои выступления довольно широко комментировались, в том числе и в зарубежной печати. Лейтмотив состоял в том, что, по выражению одной газеты, «идеолог Коммунистической партии Вадим Медведев недавно наложил категорический запрет на публикацию произведений Солженицына».

Такие утверждения не имели

Вадим Андреевич Медведев — сотрудник «Горбачев-фонда».

Солженицыны между Владивостоком и Хабаровском. 1 июня 1994 г. Фото АП

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА

ничего общего с действительностью. Никаких запретов на публикацию произведений Солженицына, равно и каких-либо других, я, конечно, не налагал, полностью отдавая себе отчет о том, что в обстановке плюрализма запреты и административные меры в отношении инакомыслия недопустимы: пусть читатель сам разберется и составит собственное мнение о тех или иных произведениях и их авторах. При моей поддержке книги и журналы, ранее изъятые из свободного обращения, были выставлены на общие полки библиотек. Это относилось и к тем номерам журнала «Новый мир», в которых были напечатаны произведения Солженицына.

В то же время в публичных выступлениях и в рабочих беседах я не скрывал своей точки зрения на идейно-политическую направленность литературного творчества Солженицына, неприятие его антисоветизма и антисоциализма. Тем более что в то время в обществе социалистическое сознание было еще не поколеблено. Достаточно напомнить, что авторы нашумевшей книги «Иного не дано» выступили не против социализма, а за его очищение и совершенствование.

У меня сохранилась запись выступления в ЦК КПСС перед журналистами 10 ноября 1988 г. Вот что я говорил в нем:

«В последние недели нас буквально захлестывает волна настроений и требований в пользу политической и литературной реабилитации Солженицына. Раньше не привелось мне, да, откровенно говоря, и потребности в этом не ощущал, прочитать некоторые его произведения — «Ленин в Цюрихе», «Архипелаг ГУЛАГ» и другие. Теперь я сделал это и увидел, откуда истоки многих пассажей на страницах нашей прессы. «Ленин в Цюрихе» — это пасквиль на Ленина, находящийся якобы в сговоре с германским милитаризмом. Оказывается, Октябрьская революция — дело кучки заговорщиков и авантюристов. От Ленина и только от него идут и красный террор, и ГУЛАГ, и концлагеря, хотя это слово в то время имело другое значение, чем сейчас. О злодеяниях царизма, о белом терроре даже не упоминается».

Начинается Первая мировая война. Ленин, по Солженицыну, восклицает: «Великолепно! Война нам позволит свалить царизм и осуществить социалистическую революцию». Поступают сообщения о кровавых боях на фронте с огромными потерями русской армии. «Очень хорошо! — якобы потирает руки Ленин, — это приближает кризис царизма».

Или возьмем отношение Солженицына к жертвам сталинского террора 30-х годов. Он всячески изымается над ними, называет их «благонравными», злорадствует: «...вы создали Советскую власть, вы же стали ее жертвами». Ничего, кроме мстительного сарказма, не найдете у Солженицына в оценке поведения этих мучеников, сохранявших в застенках и в лагерях верность делу социализма и даже веру в Сталина. Но это ведь человеческая трагедия, а не предмет для издевок!

А что стоят рассуждения Солженицына, касающиеся тех, кто в начале Отечественной войны добровольно сдавался в плен и брал из рук фашистских захватчиков оружие для борьбы против Советской власти. «Великий» мыслитель и патриот морально оправдывает эти действия, обнаруживая тем самым, что для него смертельная опасность для страны, независимости и самого существования народа ничто в сравнении со слепой ненавистью к режиму.

Солженицына пытаются представить чуть ли не как совесть

человечества, как выразителя гуманистических мироощущений и чаяний. Где же они? Писатель выступает против официальной советской идеологии не с общечеловеческих гуманистических позиций, а с позиций противоположной, анти-социалистической идеологии.

Многие выдающиеся деятели советской культуры оказались за рубежом. По-разному отреагировали они на события последних лет в стране. Но, пожалуй, для подавляющей части русского зарубежья характерен большой интерес к перестройке, к тем процессам, которые у нас происходят. Солженицына же что-то не слышат. Хотя бы слово сказал о положительных переменах в стране.

Конечно, Солженицына не вычеркнешь из русской литературы и истории, но нельзя игнорировать его политические взгляды и занимать по отношению к ним безразличную позицию».

В начале ноября у Горбачева состоялся обмен мнениями по вопросу о Солженицыне с моим, а также Крючкова, Чебрикова и Лукьянова участием. Был согласован предложенный нами подход к этому делу, состоящий в разграничении двух сторон — государственного-правовой оценки выдворения писателя из страны и идеологической, которая определяет наше отношение к взглядам и политизированным произведениям Солженицына. Было поручено Лукьянову и Крючкову рассмотреть материалы, связанные с принятием указа о лишении Солженицына гражданства, и внести соответствующие предложения, хотя, в принципе, и без анализа документов было ясно, что лишение Солженицына гражданства и высылка его за рубеж не имели юридических оснований.

Мне было предложено провести серию бесед с деятелями культуры по их обращению, касающемуся Солженицына. В течение сравнительно небольшого отрезка времени я обсудил этот вопрос с Залыгиным, Распутиным, Астафьевым, Евтушенко, кинорежиссерами Смирновым, Наумовым и многими другими. Все они высказывались за отмену указа о выдворении Солженицына из страны и лишении его гражданства, за возобновление публикаций солженицынских произведений. Вместе с тем многие были согласны с необходимостью критической оценки взглядов писателя. При обсуждении с редакторами журналов проблемы публикации, с учетом реакции в стране на Солженицына, я советовал воздержаться пока от публикации некоторых его произведений, в частности, «Архипелага». При этом никаких указаний и запретов не было.

12 декабря в Доме кино состоялось собрание по случаю 70-летия Солженицына. Было много ораторов, в их числе Владимир Лакин, Олег Виноградов, Юрий Афанасьев, Юрий Карякин, Егор Яковлев. Конечно же, не обошлось без од в адрес Солженицына и язвительно-критических стрел в направлении власти. Но говорилось и о неприятии Солженицыным Октября, советской власти, социализма.

Пожалуй, после этого волна общественной активности в пользу реабилитации Солженицына стала спадать. Тем не менее я не раз напоминал Лукьянову и Крючкову о поручении Горбачева относительно вопроса о правовых аспектах выдворения Солженицына. Лукьянов ссылался на Крючкова, а тот каждый раз обещал прислать официальный документ в ЦК КПСС, но он так и не поступил.

Весной 1989 года началось новое нарастание напряженности вокруг этой проблемы. В определенной мере оно возникло на почве распространившегося мне-

ния о смягчении позиции властей в отношении Солженицына. Оно поддерживалось и западными средствами массовой информации со ссылкой на публикацию в №2 журнала «Век XX и мир» эссе Солженицына «Жить не по лжи», на участвовавшие упоминания имени Солженицына в различных советских газетах и журналах.

В конце апреля по просьбе Залыгина состоялась наша новая встреча. Сергей Павлович вернулся к вопросу о публикации произведений Солженицына, в частности «Архипелага ГУЛАГ», ссылаясь на сильнейшее давление на него со стороны широкой общественности как в стране, так и за рубежом.

«Сергей Павлович, — сказал я, — в принципе у нас нет и не будет разночтений, если начать с публикации произведений, написанных для нашей печати. Насколько я знаю, в свое время была уже достигнута договоренность о публикации в «Новом мире» «Ракового корпуса» и «В круге первом». Журнал поступил бы логично, осуществив в первую очередь публикацию этих произведений. Мы, собственно, уже двинулись по этому пути, переведя опубликованные произведения Солженицына из спецхрана на свободный доступ. Ведь это вопрос не столько литературный, сколько политический, и надо учитывать настроения в обществе в целом, а не только в одной его части».

«Но такова воля автора, — ответил Залыгин. — Он согласен на возобновление своих публикаций в Союзе, если они будут начаты с «Архипелага»».

«Ну а почему Вы должны подчиняться его условиям? Надо постараться убедить автора в иной последовательности, в иной логике решения этого вопроса».

Собеседник вроде бы и понимал это, но вместе с тем сетовал на то, что убедить Солженицына очень трудно, и я понял, что он уже связан договоренностями. Вообще, Залыгин мог бы и не обсуждая этого вопроса в ЦК публиковать то, что хочет, и никто не смог бы воспрепятствовать этому. Но порядочность писателя, наши предыдущие обсуждения, понимание политической значимости этого шага, видимо, не позволяли ему так поступить.

В начале лета вопрос достиг критической точки. Складывалась ситуация, когда все основные писательские силы, принадлежавшие к самым различным, в том числе противоположным направлениям, и люди, стоящие вне группировок, заняли позицию требовательной поддержки не только реабилитации Солженицына, но и публикации всех его произведений. 26 июня я доложил об этом Горбачеву, который, впрочем, и сам располагал необходимой информацией, высказался за безотлагательное решение юридическо-правовой стороны дела, отмену решений, касающихся выдворения Солженицына и лишения его гражданства. Нельзя также дальше настаивать на нецелесообразности публикации тех или иных произведений Солженицына. Во всех этих вопросах надо поставить точку, иначе мы окажемся не то что в хвосте мчащегося вперед поезда, а вообще вне его. Горбачев согласился со мной, но просил еще раз переговорить с Залыгиным.

Как и следовало ожидать, позиция Сергея Павловича оказалась еще более жесткой, его решения и действия были фактически уже предопределены, и повернуть вспять уже готовящуюся публикацию «ГУЛАГа» было невозможно. Но он обещал написать свое развернутое послесловие, в котором была бы отмечена субъективность

и по меньшей мере спорность идейно-политических взглядов Солженицына по ряду вопросов истории нашей страны.

29 июня на заседании политбюро я кратко изложил суть дела, рассказал о своих дискуссиях с Залыгиным и другими деятелями культуры, о практически единодушных настроениях в писательской среде, которая в этом вопросе забыла даже о своих групповых расприх. Сколько-нибудь развернутого обсуждения не было, хотя по отдельным репликам и выражению лиц было видно, насколько мрачная реакция у многих моих коллег по политбюро. Никакого постановления не принималось, просто устная информация была принята к сведению. Имелось в виду, что писатели сами примут соответствующие решения.

А на следующий день состоялось заседание секретариата Союза писателей, обсуждавшее так называемую проблему Солженицына. В нем приняли участие Алексей Адамович, Андрей Вознесенский, Сергей Залыгин, Владимир Крупин, Сергей Михалков, Янис Петерс, Виктор Розов и другие. Были оглашены телеграммы Григория Бакланова, Даниила Гранина, Александра Иванова. В результате двухчасового обсуждения секретариат единодушно принял решение о поддержке инициативы издательства «Советский писатель» и «Современник», журнала «Новый мир» начать публикацию литературных произведений Солженицына, ранее не издававшихся в СССР, включая «Архипелаг ГУЛАГ», было отменено решение Союза писателей СССР 1974 года об исключении Солженицына из Союза писателей СССР как ошибочное. Секретариат обратился в Верховный Совет СССР с просьбой вернуть Солженицыну гражданство СССР. Все пункты решения были приняты единогласно.

Сергей Залыгина, проявившего, пожалуй, наибольшую настойчивость в решении этого вопроса, даже критиковали за недостаточную твердость, однако в целом возобладала точка зрения, что это слишком серьезная проблема и что ее решение на данном секретариате оправдано и своевременно. Согласился и с тем, что вокруг него не следует поднимать большой шум и превращать в предмет литературной и политической сенсации. В этом духе были составлены и опубликованы в «Литературной газете» и в «Литературной России» соответствующие информационные сообщения.

Так закончилась эта эпопея. Публикация солженицынских произведений, последовавшая отмена репрессивных мер в отношении писателя, восстановление его гражданских прав не потрясли общество. Но они стали символом утверждения плюрализма, который не ограничивается ни социалистическими, ни даже общечеловеческими ценностями. В конечном счете все встало на свои места. Был открыт путь для возвращения Солженицына на родину. Российское общество получило полную возможность оценить его творчество, социальные и нравственные идеалы.

Развитие же России пошло совсем не так, как нужно было бы в соответствии с ее интересами и как представлялось писателю. Он остался верен себе, своим принципам. Вчерашний обличитель советского строя не потерял своей силой стал выступать с жесткой, но обоснованной критикой политики властей, которая ввергла страну в беспрецедентный национальный кризис — экономический, общественно-политический, духовно-нравственный. ■